

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЛЕКЦИИ

Т.Н.Грановский

— ТАЙНЫ МИРОВОЙ ИСТОРИИ —

Империя Габсбургов — Война Алой и Белой розы —
Фердинанд и Изабелла — Династия Валуа — Варфоломеевская ночь
и многое другое...

Тимофей Грановский
Лекции по истории
позднего Средневековья
Серия «Тайны мировой истории»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/49648247>

История Средневековья. Лекции / Грановский, Тимофей Николаевич:

АСТ; Москва; 2000

ISBN 978-5-17-119165-8

Аннотация

<p>«Лекции по истории Средневековья» – это увлекательный курс, изложенный профессионалом, профессором МГУ, Т. Н. Грановским (1813–1855). Большая часть лекций посвящена истории позднего Средневековья, в курсе этот период назван Новой историей. Открывает лекционный цикл лекция о значении истории, смысле ее изучения современным человеком. В вводной лекции ярче всего отражены взгляды историка на предмет и перспективы, которые открывает погружение в канву исторического материала.</p>

Содержание

Вводные лекции	4
Лекции 1848/1849 г	11
Лекция 1, четверг, 10 сентября[6]	11
Лекция 25	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Тимофей Грановский История Средневековья. Лекции

Вводные лекции Древняя история¹

Приступая к слушанию чтений о всяком предмете, вы, естественно, предлагаете сами себе вопрос: какая польза от этого предмета? В других науках нетрудно найти разрешение этого вопроса; так, практическая польза изучения языков, права, естественных наук в их приложении очевидна. Не так легко отвечать историку на этот вопрос: история на-

---

¹ Выдержки из записи П. Самарин. Тетрадь 1-я.

ука ни чисто практическая, как математика, ни чисто отвле-
ченная, как философия. Однажды навсегда должно оставить
звучные определения истории, ничего не доказывающие и
бывшие в ходу еще несколько десятков лет тому назад, как,
например: «История есть зеркало бытия и деятельности на-
родов; скрижаль откровений и правил» и т. д. (Карамзин).

Занимаясь историей народов древнего Востока, вы легко
поймете, почему на Востоке не могла созреть мысль о все-
общей истории; она могла развиваться только при высшем со-
знании личности всего человечества.

Доселе пребывает Восток в неподвижности. Взгляните на
древние произведения индийской поэзии, которые вместе и
история, в ней не найдете вы определенности фактов, хроно-
логического порядка и резкого изображения исторического
хода событий – нет в ней ни света, ни теней. Другой восточ-
ный народ, имеющий богатую историческую литературу, –
китайцы, но и она не возвысилась над историей националь-
ной. И как мог народ, смотревший на себя как на центр все-
ленной и отчуждавший себя от других народов, достигнуть
значения истории всеобщей.

Но есть между этими двумя народами Востока, несмотря
на противоположность их духа, одна общая характеристиче-
ская черта – это расточительность, с которой они употреб-
ляют столетия; китайцы возводят свою историю до несколь-
ких десятков тысячелетий, индийцы даже до нескольких со-
тен тысячелетий. В этом таится глубокий смысл, доказыва-

ющий, что народы Востока не привыкли ценить главное благо – время, они не дорожат им. В истории европейской, напротив, события теснятся; начиная с древних историков-художников, отличающихся искусством изложения и рассказа, до средневековых монахов, тщательно, но сухо записывающих слухи, доходящие до их монастыря, везде, говорю я, у всех европейских бытописателей видно старание со всевозможной точностью определить время.

Только на рубеже истории Востока является исторический памятник, в исследование которого надобно углубиться, – это св. Библия. Ветхозаветные книги, особенно последние, не говоря об их святом характере, представляют важность памятника исторического. Но настоящая классическая почва истории – Европа. История есть растение, растущее не на всякой почве и не при всяких условиях. Даже греческая историография, несмотря на всю ее художественность и изящность в рассказе, не сходит со степени истории национальной.

Чтобы показать, до какой степени греки были далеки от понимания всеобщей истории, достаточно указать на прекрасное произведение греческой философии – о политике, в котором Аристотель глубоко исследует все формы правления ему современных народов; в начале этого рассуждения он делит все народы на две части и говорит, что одним суждено повелевать, другим – повиноваться. Первые – это греки, другие – все варвары.

То же можно сказать и о римских историках; для них история имела смысл *magistra vitae*², по выражению Цицерона, к ней обращались за уроками для царей и граждан. История не могла сделать большого успеха при столь близоруких понятиях о ней. Чем высшее значение получила история, тем она стала одностороннее.

Ученые XVIII века, справедливо прозванного великодушным и легкомысленным, с гордостью взглянули на расстояние, отделяющее их от Средних веков; они увидели, что стоят на высшей степени образованности, чем их предшественники, а между тем в истории и помина нет о прогрессе. А где же искать объяснение всякого современного совершенства и недостатка, как не в историческом: развитии? Между тем были другие побудительные причины, заставившие ученых искать в истории чего-то более, чем внешних готовых факторов, именно: вследствие географических открытий пришли в знакомство с дикарями Америки и Африки, не должна ли была одна противоположность между дикарем и европейцем XVIII столетия повести на мысль о прогрессе?

История, как мы говорили, всегда была под влиянием сознательной или бессознательной опеки философии, даже сухие историки, протестовавшие против этого ига, несознательно придерживались какой-нибудь философии. Но если прислушаться ко всем этим жалобам на науку рациональную, то легко увидеть, что они относятся не к философии

---

² Учительница жизни (*лат.*).

вообще, а всегда к философии новой; историк, держась еще учения отживающего, естественно, восставал против нового учения, несообразного с его родом мыслей. Философия XVIII века была материальная, и потому ее влияние на историю имело вредное последствие.

В наше время нельзя уже ошибаться в значении этой исторической науки; нельзя удовлетворяться определениями, существовавшими назад тому 50 лет. Карамзин не сказал бы уже теперь, что история есть зеркало прошедшего. Что же такое всеобщая история в отличие от всемирной? Итак, всеобщая история должна проследить прогресс рода человеческого.³ Но еще и до сих многие считают прогресс рода человеческого вымыслом истории, многие видят в этом пустое мечтание о достоинстве человека. В доказательство прогресса рода человеческого стоит указать на массу истин, приобретенных родом человеческим в его развитии в продолжение стольких тысячелетий; стоит указать, как человек в каждом веке побеждает и разрушает какой-нибудь предрассудок. Поэтому история,⁴ с одной стороны, есть наука философская, с другой – чисто практическая. В наше время изучать историю с целью практической не всегда можно, нужны особенные условия общества и самого частного лица. Конечно, в

---

³ Дополнено: заступник понятного движения говорит, что человек не сделался счастливее, столь же подвластен страстям.

⁴ Дополнено: получает характер науки не только опытной, но и политической. Здесь она становится на ту же высоту, как и философия.

наше время ни один юноша не научится быть полководцем, изучая историю, как это полагали древние; конечно, ни один государственный деятель не станет справляться с историей в затруднительных случаях; но история имеет для нас другое практическое значение. Она помогает угадывать под оболочкой современных событий аналогии с прошедшим и постигать смысл современных явлений – только через историю мы можем понять свое место в человечестве;⁵ она удерживает нас от отчаяния, она влагает в нас веру в силу человека, показывая, что совершило человечество на Земле, и позволяет ценить достоинство человека.

---

⁵ Т. Н. Грановский подчеркивал сложные взаимосвязи истории и современности. В работе «Историческая литература во Франции и Германии в 1847 году»: «История по самому содержанию своему должна более других наук принимать в себя современные идеи. Мы не можем смотреть на прошедшее иначе, как с точки зрения настоящего. В судьбе отцов мы ищем преимущественно объяснения собственной. Каждое поколение приступает к истории со своими вопросами; в разнообразии исторических школ и направлений высказываются задушевные мысли и заботы века».

---

⁶ Во введении к курсу истории Средних веков Грановский освещал задачи исторической науки, определял предмет исследования, говорил о понятии «всеобщая история» в контексте различных исторических этапов и т. д. Во введении начала 1850-х годов сказано: «Всеобщая история объясняет законы, по которым совершается земная жизнь человечества, указывает на законы и цели поступательного движения. Уже этого одного достаточно, чтобы ответить на вопрос, раздававшийся во все времена даже из уст великих мыслителей, – какая польза истории?.. Есть, конечно, науки, как, например, языки, технические науки и др., пользы которых доказывать и не нужно, но здесь дело идет не об одном только практическом приложении истории. У греков и римлян она имела практическое приложение в общественной, законодательной деятельности; то же самое можно сказать в настоящее время и об Англии. Вообще знание истории необходимо для каждого государственного человека, но не все ведь созданы быть государственными людьми, следовательно, для таких людей история остается без приложения, а следовательно, и без пользы? Можно доказать несостоятельность этого мнения. Кроме того удовлетворения, которое история доставляет высшим потребностям нашей природы, она представляет еще другого рода утешение тому, кто будет изучать ее без задних мыслей, не подставляя отдельные факты под свои частные цели. На целые народы и на отдельные лица находят иногда минуты уныния, когда мир остается безотрадным, земная жизнь является, по-видимому, без цели и нравственность падает; тогда советницею и утешительницею является история: из нее видно, что человек часто бывал в таком положении, но что всегда выходил из него победителем, что зло никогда не преобладает и что добро никогда совершенно не уничтожается. Исторические лица, на которые указывают скептики в опровержение этой мысли, служат блистательнейшим ее доказательством, именно – это люди, павшие за свои идеи. Правда, они гибнут, но имя их остается: они же получили свою награду в деятельности совершения подвига согласно с их убеждением. Чем более углубляешься в историю, тем более укрепляешься в жизни. История уничтожает в нас эти недоверчивые, скептические мнения, которые лишают нас энергии и нравственных сил. Каждому ученому прилично выше всего ставить свою науку, но особенно должен любить свою науку историк, науку, которая похожа на океан, в который сливаются все другие науки как источники и дают ей вспомогательные средства».

Лекции 1848/1849 г

Средняя история

Лекция 1, четверг, 10 сентября⁶

Более, нежели когда-нибудь, история имеет право на внимание в настоящее время. Ввиду великих вопросов, решаемых западными обществами, человеку с мыслящим умом и благородным сердцем нельзя не принимать участия в судьбе человечества, нельзя не оглянуться назад и не поискать ключа к открытию причин тех загадочных явлений, на которые мы смотрели и смотрим с удивлением. Этот ключ найти нетрудно. Этот ключ – история прошедшего времени: деятель на поприще истории – человек, один и тот же, со всеми своими достоинствами и недостатками, и история – живое, связанное, органическое целое: мы не поймем настоящего, если не будем знать прошедшего, а события последних 60 лет Европы более объясняют всю древнюю историю, чем другие какие-либо исследования. Мы уже однажды основательно заметили, что к истории надобно приступать с большею простотой мысли и чувства. Надобно отказаться от всякого наперед составленного построения истории – она наука сложная и вместе простая: сложная потому, что в состав

свой принимает все другие науки, ибо она требует многостороннего обозрения, и простая потому, что требует простого взгляда, отсутствия всех предрассудков, предубеждений, ложных толкований, парадоксов и всяких чисто самолюбивых толков. Известно, что в великом движении, которое обнаружилось в сфере истории в наше столетие, часто повторялось следующее выражение, девиз, так сказать, который был причиною искаженного понимания истории: «Нужно смотреть на каждое время с его точки зрения, устранив современные взгляды и предубеждения и перенесясь в положение данной эпохи». Мысль, сама по себе глубоко верная и справедливая, в приложении подверглась значительному искажению, особенно, может быть, в Германии, ибо не все ее верно поняли.

Стараясь оторваться от настоящего, большая часть историков смотрит на прошедшее как на нечто, отдельно существовавшее, на нечто, отрезанное, так сказать, от настоящего времени, смотрит на человека древнего и средневекового как на определившегося известным политическим положением, известным складом идей и т. д., так что в формах определений заслоняется самая сущность, т. е. сам человек, и, таким образом, выпускаются из виду исторические деятели, люди, которых действия постоянно изменяются вследствие перемены идей, но которые всегда остаются людьми с теми же страстями и с постоянным стремлением к одной великой цели; так что при одной и той же цели различны только пути,

более или менее в ту и другую эпоху сознательные, так что весь прогресс истории заключается в том, что человечество становится сознательнее и цель бытия его яснее и определеннее. Только сказав это, можем мы достигнуть истинного понимания истории. Зная, к чему идет человечество, постоянно мы с небольшим усилием можем видеть, почему в данный момент еще невозможно было достигнуть цели, каких условий не доставало к тому; увидев человечество в различные эпохи жизни его, мы не упадем духом, ибо увидим его после многочисленных мужественных опытов не достигшим цели, но и не падшим.

Нет сомнения, что последние 60 лет европейской истории более поясняют древнюю историю, нежели все исследования филологов, устранившихся от влияния современной жизни, и каждый момент современности, понятый человеком с историческим смыслом, имеет влияние на понимание древней жизни человечества, ибо история есть нечто живое, связанное, органическое. Доказательство недалеко – мысль нашу вполне оправдывает настоящая эпоха. Здесь нам, русским, открывается великое и прекрасное поле: устраненные от движения, которое захватило все народы, бросив их на пути, тогда как конец далеко не виден, устраненные от этого движения, мы стоим на пороге, т. е. Европы, наблюдателями движения, и притом не праздными: движения европейской жизни находят отголоски и у нас, мы стараемся понять их и из них извлечь поучительный пример, в чем и состоит

собственно русское воззрение на историю. Это, впрочем, не значит, чтобы мы смотрели на историю Запада с исключительной мелконациональной точки зрения; нет, мы должны наблюдать.

Западный человек брошен в различные партии и потому не может быть наблюдателем той драмы, в которой сам принимает участие; он ищет в прошедшем оправдания своей мысли, и на настоящие моменты ему некогда обратить внимание. Итак, нетрудно понять, до какой степени выгоднее наше положение. Не нужно вдаваться в дальнейшее объяснение этой мысли, ибо весь курс будет оправданием идеи, теперь высказанной.

Предметом настоящего курса будет история Средних веков. Она начинается по обыкновенному построению падением Западной Римской империи и оканчивается или открытием Америки, или Реформацией.

Но разделять таким образом историю, значит резать ее по-живому; одним годом нельзя отделить Древнего мира от среднего; переходы от одной жизни к другой совершаются постепенно и медленно и составляют отдельные поучительные эпохи истории. Таков переходный период от древней истории к средней, период разложения древних форм и образования средневековых; такой же мы можем заметить при переходе от средневековой жизни к новой: еще с XIII века заметно начинается постепенное разложение средневековых форм, появление новых идей, требование нового порядка и

продолжается до XVI столетия.

Резкое разграничение древней, средней и новой истории существует с недавних пор, именно с начала XVIII столетия, когда историю делили еще на периоды, высказывая к тому довольно наивную причину, что читателю на известной эпохе должно остановиться как бы для отдыха и спокойно обозреть все пройденное. Впрочем, основание деления истории справедливо, хотя и здесь нельзя не сделать нескольких упреков.

Древний мир сам по себе представляет полный завершившийся период развития рода человеческого с дряхлыми неподвижными общинами Востока, коих поучительные развалины до сих пор призывают к созерцанию первобытных форм общества; Греция и Рим представляют картину и юного, и зрелого, и состарившегося человечества.

Так называемый мир классический, греко-римский, имел определенное число идей, лежавших в основе всей его жизни; мы присутствуем при зарождении этих идей, видим изящное осуществление их в известных формах и, наконец, поучаем над разложением этих форм; мы можем проследить жизнь этих начал от первого их зарождения и до последнего конца, т. е. до конца V ст. по Р. Х., когда эти начала стали изнашиваться, так сказать, человечеством. Но гораздо труднее отделить среднюю историю от новой и еще доселе можно принять в истории два отдела: мир языческий и мир христианский. Конец XV века и начало XVI лягут рубежом меж-

ду средневековым порядком и новым, но не таким резким, как V век; здесь осталось то же христианство, многие начала остались те же, только в новой форме, под новыми оболочками. Устранив Россию от западной истории до XVIII века, когда она связывается с Европой Петром Великим, мы можем сказать, что средневековая Европа есть Европа феодално-католическая, а последние три столетия – переходные от этого порядка к другому, которого мы еще не знаем, от средней истории к новой, еще нам не известной. Следовательно, эти три столетия, протекшие со времени окончания средней истории, аналогически сходны с теми, которые оканчивают Древний мир; другими словами: здесь разложение западного общества, там падение республики, падение империи и явление новой формы, нам уже известной.

Окончим введение наше исчислением учебников и руководств. Кроме Кайданова,⁷ о котором нечего и говорить, есть история Смарагова⁸ – дурная переработка или переделка книги Лео. Г. Смарагов ее испортил, потому что многого не понял; крайнее понимание Смарагова видно даже и из того, что он часто не умеет отличить источника от учебного

---

⁷ Речь идет об учебнике И. Кайданова «Учебная книга всеобщей истории... История средних веков» (СПб., 1839) и другие издания.

⁸ См.: «Руководство к познанию средней истории» С. Смарагова (СПб., 1841). Как писал Грановский в рецензии, опубликованной еще в 1841 г., в основу своего учебника Смарагов положил сочинение Лео «*Lehrbuch der Geschichte des Mittelalters*» (Halle, 1830).

пособия. Несравненно выше стоит история Лоренца,⁹ единственная на русском языке, кроме незначительных переводных. Лоренцу можно сделать один важный упрек: он остался при той же точке зрения, которою руководствовались историки 20 лет тому назад, при всей своей видимой учености. В древней истории он понял связь между наукой и жизнью, между литературою и обществом и представил удовлетворительный обзор греческой и римской литератур. Средние века имеют свою литературу и науку, которые обнаружили огромное влияние на развитие средневековой общественности, но на нее Лоренц употребил только несколько страниц, разобрав прекрасно политическую историю, т. е. он анатомически разложил жизнь и забыл ее духовную часть.

Галлам, переведенный с английского на немецкий и французский языки.

Эта книга пользуется большим уважением, хотя, собственно, это уважение должно быть отнесено к другим трудам автора. В ней есть только один хороший отдел, именно по английской истории – и то история английской конституции, юридической Англии; что же касается до изложения истории других народов, то она ниже посредственности.

Лео заслуживает особенного внимания. Одна книга, изданная им в 1830 г. под названием *Lehrbuch der Geschichte des Mittelalters*, два тома; он перестал делить историю на внешние периоды, он сгруппировал события около известных на-

---

⁹ Лоренц Ф. Руководство к всеобщей истории. СПб., 1845, ч. I.

правлений. Потом, в 1836 г., вышли два тома его всеобщей истории, заключающие историю Средних веков; здесь много глубоких и остроумных замечаний; относительно внутреннего характера должно указать на некоторые странности: он поклоняется средневековым формам, в которых видит идеал человеческих обществ, а на великие религиозные явления Среднего века смотрит он слишком с ограниченной точки зрения. Кроме того, Лео всегда указывает на литературу предмета, на самые превосходные сочинения, и с той стороны книга его заслуживает преимущественного внимания. Вообще же как учебник она не может быть употреблена.

Книга Кортюма, гейдельбергского профессора, написана с пристрастной точки зрения; в ней недостаточно оценено участие латино-германского племени в образовании средневековых форм. Впрочем, написана дельно, умно и читается с удовольствием.

Из сочинений в большом объеме должно обратить внимание на книгу Шлоссера, патриарха европейских историков, мужа-историка, не имеющего себе подобного в Европе. Около 30 лет тому назад начал он печатать свою всеобщую историю. Первый том заключает древнюю историю, слабо написанную, но свидетельствующую о великой учености автора; остальные 6 (7)¹⁰ томов содержат историю Средних веков до начала XIII столетия; об этом сочинении можно сказать вместе с Лео, что это средневековая хрестоматия; она вся состо-

---

¹⁰ Именно так в рукописи.

ит из выписок летописей, потому-то Шлоссер всегда почти говорит словами источников; это не органическое понимание истории, но по ней видно, что автор сам учился, но как ученый. Впрочем, и его должно упрекнуть: а) в недостаточном рассмотрении развития политических форм; б) в том, что он выпустил из виду историю литературы и историю образования, хотя сам указал прекрасный образец этого в своей древней истории и истории XVIII века, и оправдывается в этом только тем, что приводит выписки. Отчасти недостатки этой книги объясняют недостатки книги Лоренца. Теперь он [Шлоссер] издает «*Weltgeschichte für das deutsche Volk*» – это популярная обработка ученых его сочинений, в которых сам Шлоссер указал на некоторые недостатки и которые дополнил указанием на литературные памятники редних веков, и в этом отношении это популярное сочинение выше его других сочинений. Заметим вообще, что Шлоссер отличается прямою нравственного чувства. Лоренц – его ученик и много пользовался трудами Шлоссера, так что сочинения Лоренца можно назвать извлечениями из Шлоссера.

Рем.*Handbuch der Geschichte des Mittelalters*, восемь томов, сухо написанных, не для чтения, но зато он хорошо уяснил хронологию Средних веков, чрезвычайно трудную, потому что каждый народ в то время имел свою хронологию, свои эры, календари и прочее. Кроме того, драгоценны его генеалогические таблицы, превосходно и точно отделана история мелких восточных династий, богатая литература источ-

ников, ибо упомянуты все летописи, из которых заимствовал Шлоссер, и притом с указанием, где какая написана и хранится.

Ц. де Канту издал несколько лет тому назад Всеобщую историю, которая была переведена на французский язык и теперь переводится на немецкий язык. Главная причина успеха этой книги в католическом воззрении автора. В 14 вышедших томах заключается древняя и средняя история. Канту – человек ученый, знакомый с немецкой, английской литературами, отделал свою историю так, что каждый период ее свидетельствует прямо о значительной учености автора, что весьма редко между итальянскими учеными; католическое же воззрение в его истории есть нечто внешнее (мы имеем подобное воззрение в речи о всеобщей истории Боссюэта). Оно односторонне, но величаво и поэтично, и ему нельзя отказать в значительном достоинстве.

Гиббон – о падении Западной Римской империи – носит явные следы своей эпохи, т. е. XVIII столетия. Гиббон не понимал важности христианства и потому не всегда отзывается о нем с выгодной стороны, не всегда прилично мыслящему человеку; потом мало знаком с древностями. Вот дело слабой стороны, но едва ли в какой-либо книге найдем мы такой спокойный, глубокий и ясный взгляд на события. Есть, конечно, много неверностей и устарелости, но это огромный исторический талант, который не может не иметь влияния на читателя.

Географические карты – пробел в нашей науке, который отчасти пополнен французскими монахами Бенедиктинского ордена. Есть карты офицера баварского Шпруннера. Потом наука наша вечно обязана Дюфрени Дюканжу, который составил *Glossarium mediae et infimae latinitatis* – труд колоссальный; он же издал *Glossarium mediae graecitatis*. Но как он один не мог истощить всего богатого запаса, то его труды продолжали бенедиктинцы, труды которых вместе со словарем Дюканжа с 1840 г. издаются с исправлениями Дидо, и теперь уже вышло 67 томов. Относительно хронологии Среднего века заметим книгу – неполную, но полезную – Брингмейстера, недавно вышедшую в Лейпциге.

Лекция 25

Мы остановились на состоянии Германии и вообще Западной Европы по смерти Генриха III. Теперь рассмотрим отдельные элементы тогдашней средневековой общественности и начнем с фео-дализма. С именем феодализма соединено в Западной Европе множество воспоминаний, большей частью враждебных. Между тем феодализм, как мы увидим, принес богатые плоды для европейской цивилизации. Но нельзя упрекать и Западную Европу в неблагодарности: есть причины, оправдывающие ее ненависть к феодализму.¹¹

---

¹¹ В университетских лекциях 1845/46 г. (записи студента М. М. Латышева): «Преобладающий элемент в XI веке есть, бесспорно, феодализм. Об истории и влиянии феодализма, о его юридическом и нравственном характере много писали. Этот вопрос еще доселе не причислен к тем историческим вопросам, которые имеют для нас только ученое значение. Еще доселе западное общество борется против остатков феодального быта, хочет очистить от него совершенно свою почву. Во время своей силы феодализм уже нашел ревностных и горячих защитников, хотя тогда мало нуждался в них; тогда он доказывал свою законность, свое право на существование самим существованием своим. Не прежде исхода XVII и начала XVIII века началась об этом предмете ученая полемика. Отличнейшие писатели и публицисты принесли участие в этот спор. В числе его защитников особенно замечателен граф *Boulainvilliers*, французский аристократ исхода XVII и половины XVIII века. Он написал превосходное, но в высшей степени одностороннее сочинение о феодализме. Может быть, ни один ученый ни прежде, ни после не [переносил] с таким талантом, с такой силой убеждения, не принял так к сердцу вопроса о феодализме, как граф *Boulainvilliers*. Читая его, можно подумать, что это говорит какой-нибудь воскресший барон феодального века... Он отрицает среднее сословие, считает его беззаконным, равно отрицает

Мы сначала рассмотрим феодализм как учреждение (общественное), и следует ли обвинять западные народы в неблагодарности к такому учреждению, кое принесло столько пользы, или есть другая причина, оправдывающая их ненависть к феодализму. Лучшим ответом на этот вопрос послужит подробное изложение того, чем был феодализм в политиче-

---

и королевскую власть в том значении, какое она приняла в XVII и XVIII веках. Это человек совершенно Средних веков, признающий только тот класс, к которому сам принадлежит: о прочем он говорит с презрением – оно для него не существует. Это был человек односторонний, но в самой односторонности своей могущественный и последовательный... Много было противников феодализма, защитников королевской власти среднего сословия; в продолжение всего XVIII века не прерывалась полемика между обеими партиями. Она разрешилась уже в кровавом акте революции. После революции, во время реакции, которая поднялась против всех явлений и результатов революции, явились новые защитники феодализма, новые теории, которые просто хотели возратить новой европейской жизни феодальный элемент во всей его силе и односторонности. Достаточно упомянуть о [Галлере], швейцарском ученом, который написал пять томов *Über die Restauration der Staatswissenschaft*. Это не что иное, как возвращение феодального элемента... Не говорю уже о менее известных историках. Эта партия была многочисленна, особенно до революции, теперь она теряет свое влияние. Не говоря о том, что новые защитники феодализма не имели ни глубокой учености графа *Boulainvilliers*, ни его энергического ума, они самый феодализм представили не таким, каким он был действительно. Они создали идеал феодального быта, в истине коего они не так были убеждены. Наука, впрочем, управлялась с этими жалкими явлениями... Окончательный приговор феодальной эпохе принадлежит, собственно, нашему времени. Исторические труды последних десятилетий показали феодализм в настоящем виде его. Самые лучшие сочинения (не говоря о древних трудах немецких) находятся у французов в курсе Гизо: «*Histoire generale de la civilisation en Europe*» и «*Histoire de la civilisation en France*», где он разбирает феодализм во всех отношениях. Мы не соглашаемся с ним только в некоторых частностях, но вообще это полная, живая картина».

ском, потом – в нравственных отношениях, посмотрим на него как на производителя новой цивилизации и продукт старой.

В новейших сочинениях нередко сравнивали феодализм с восточными учреждениями. Еще знаменитый Шлёцер, говоря о турецких участках земли, которые давали за военные услуги, прибавляет: *c'est tout comme chez nous*¹². Это правда – во всей Европе и у славян мы видим этот обычай платить участками земли за службу. Но не в этом существенный характер феодализма. Равно ошибочно хотят вывести феодализм из римских учреждений, из римских бенефиций, которые давались императорами ветеранам с условием защищать эти пожалованные земли, находившиеся на границах; но феодализм имеет глубокое нравственное значение, а не одно политическое.

Мы видели, как совершилось завоевание римских областей немецкими дружинами. Когда окончательно занимали область, цель, с которую составила дружина, была достигнута. Теперь надо было получить награду за понесенные труды; эта награда заключалась в земле. Германские завоеватели делили земли по жребию; каждому доставался свой *sors*¹³, свой аллод. Говоря об устройстве германских общин, мы сказали о характере свободной собственности Германии. Земли свободных германцев были изъяты от всех повинно-

---

¹² Все, как у нас (*франц.*).

¹³ Земельный участок; надел, первоначально доставшийся по жребию (*лат.*).

стей, с них не платили податей. Этот вид собственности полной, не обложенной податями, назывался у германцев аллод (*all* – чистый, весь, и *od* – собственность), чистая собственность, *mere proprium* – по объяснению латинских словарей.

Из всех соображений можем заключить, что все земли раздаваемы были чистою собственностью, что каждый получал свой участок аллодом. Участки раздавались сообразно с заслугами каждого. Вождю дружины, конунгу, доставалась наибольшая часть; сверх того, ему доставались еще другие земли; это было наследие впоследствии императоров – земли казенные, государственные. Собственно, вместе с разделом земли между дружинниками оканчивались их отношения с вождем: дружинники становились свободными собственниками. Но надобно было поселившимся отражать натиск новых дружин, которые искали новых аллодов или притекали снова из общего движения народов. Эта связь общей опасности и общих выгод соединяла дружинников с вождем. Но у вождя были еще свои частные цели, для которых он должен был создать себе особенную дружину. Образование ее и обусловило происхождение феодальной собственности, и этим новым дружинникам раздавал он свои земли: является феодал (собственно владение, данное в уплату, от слова *fee* – мзда, плата, сохранившегося в английском языке), собственность, данная в вознаграждение. Конунг имел огромное количество земель, коими мог располагать и большая часть коих была не обработана. Конунг раздавал множество земель новым при-

шельцам германским, но раздавал уже не в чистую собственность, а с известными условиями.

Получивший такой феодал обязан был нести известные повинности. Слово *феодал* (франц. – *fief*) встречается в памятниках не ранее исхода IX в., в царствование Карла Толстого. Но французские публицисты и историки напрасно различают феодалы от бенефиций: оба слова означают одно и то же. Несравненно важнее вопрос о том, на каких условиях раздавались первоначальные лены – на срок ли, пожизненно или потомственно. Ошибка прежних исследователей, по справедливому мнению Гизо,¹⁴

---

¹⁴ Гизо Ф. История цивилизации во Франции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.